ДОМЕНИКОС ТЕОТОКОПУЛОС, КРИТЯНИН

Эль Греко. <Апостолы Петр и Павел>, 1590–1600 гг., холст, масло, Национальный музей искусств Каталонии

Автор:
Оксана Санжарова

Медицины Эль Греко касается разве что как художник, которому постоянно пытаются приписать болезнь глаз (астигматизм и близорукость). На эту мысль офтальмологов натолкнула манера художника изображать продолговатые фигуры. Как бы там ни было, был ли стиль результатом дефекта зрения или нет, прекрасных мужчин и женщин, которые украсят наш номер, у Эль Греко предостаточно.

***

Мрачные и одновременно странно сияющие краски, узкие фигуры, оплывающие складками одежд, словно тающие свечи – воском, тонкие бледные лица с огромными глазами, длиннопалые кисти рук… Этого художника узнаешь издалека в зале любого музея – уроженец Крита грек Доменикос Теотокопулос, прозванный Эль Греко, не испанец, создавший самое характерное испанское искусство.

Удлиненные пропорции его героев были бы уместны у скульптур готических соборов, страстная и обманчиво наивная работа со светом – в византийских фресках и иконах, размашистый мазок и декоративный подход к колориту – в живописи XIX–XX веков, но Эль Греко удалось приучить к своему странному стилю консервативных испанцев, едва расставшихся со средневековьем.

В начале XX века художник и искусствовед Александр Бенуа писал о нем так: «К сожалению, несмотря на напряженное внимание, с которым изучается в наши дни и творение, и личность Греко, мы до сих пор знаем о нем весьма мало. Так, даже не установлен в точности ни год его рождения, ни то место на Крите, откуда он родом». И с тех пор в наших знаниях об Эль Греко никакого особого прорыва не случилось.

Хотя о дате рождения биографы почти договорились и решили, что Доменикос появился на свет 01 октября 1541 года, возможно, в городе Кандии (ныне Ираклион) – хотя венецианцы и турки называли Кандия весь остров Крит – в семье купца и сборщика налогов Георгиса Теотокопулоса. Еще мы знаем, что после смерти отца за ним присматривал старший брат Манулос, и что в 1563 году 22-летний Доменикос упоминается в документах как «мастер» – но не знаем, в мастерской какого иконописца он обучался.

Не знаем мы точно и его вероисповедание. Вероятно, воспитан он был в греческом православии, но со временем перешел в католицизм (во всяком случае в завещании он назовет себя «добрым католиком»).

От его работ критского периода осталось совсем немного, но точно известно, что в декабре 1566 года художник испросил у венецианских властей (Крит в тот момент относился к венецианским колониям) разрешения продать на аукционе «икону с изображением Страстей Христовых» – и выручил за нее 70 золотых дукатов (стоимость работы Тициана того же периода).

***

Год спустя молодой художник покинул родину и отправился в Венецию – вероятно, вслед за переехавшим туда старшим братом. В этот момент в городе разом творили Тинторетто,

Доменикос Теотокопулос. Св. Лука пишет Богородицу, до 1567 г. (критский период), дерево, золото, темпера

Эль Греко. «Благовещение», 1575 г., холст, масло, музей Тиссена-Борнемисы

Веронезе, Бассано и главное – бесконечно старый и столь же бесконечно великий Тициан.

Предполагается, что именно к нему поступил в ученики Доменикос, хотя знаем мы об этом лишь из письма миниатюриста Джулио Кловио. Тот, рекомендуя Теотокопулуса кардиналу Фарнезе, назвал его «последователем Тициана», что могло говорить как об учебе, так и о подражании. А даже если Тициан и согласился принять критянина в свою мастерскую, неведомо, сколько он в ней продержался – известно, что Паоло Кальяри, получившего прозвище «Тинторетто», вспыльчивый старик выставил, не потерпев и двух недель. Но в Венеции можно было учиться у Тициана и не поступая к нему в мастерскую – город был переполнен его работами – от ранних, подобных яркой и мажорной, хотя уже пострадавшей от свечной копоти и городской сырости «Ассунты», до поздних, написанных словно совершенно другим человеком.

В первых венецианских работах Эль Греко еще очень много от иконописи – наивность рисунка, условные пропорции, графичность складок, пристрастие к золотисто-красной гамме, неуклюжая перспектива – и все же в этих несовершенных вещах присутствует странное очарование.

Его мастерство растет с невероятной скоростью – в 1570 году он напишет портрет своего друга, художника Кловио, – и эта работа совершенно несхожа с парсунами, какие обычно писали переучившиеся иконописцы. Это крепкая работа несомненной венецианской школы, напоминающая колоритом и свободным несглаженным мазком как Тициана, так и Тинторетто или Якопо Бассано (впрочем, оба этих художника все равно писали сходно с Тицианом).

Благодаря протекции Кловио Эль Греко (хотя итальянцы тогда звали его Иль Греко), перебравшийся около 1570 года в Рим, поступит на службу к большому ценителю искусства кардиналу Алессандро Фарнезе. Поначалу жизнь у Фарнезе складывалась неплохо – художник подружился с библиотекарем кардинала Фульвио Орсини, который даже собрал небольшую коллекцию его работ. Впрочем, в 1572 году Эль Греко был изгнан из палаццо Фарнезе дворецким кардинала (точные причины изгнания неизвестны до сих пор) и вскоре открыл в Риме собственную мастерскую.

***

Говоря о «римских» временах Эль Греко, биографы обычно упоминают «огромное впечатление, произведенное на него фресками Микеланджело» – и тут же гасят пафос этой фразы собственной репликой художника о «Страшном суде» Микеланджело: «Если бы эта фреска была сброшена на землю, я смог бы сделать другую, более благопристойную».

Сказать так в Риме о «божественном Буонарроти» было поступком неосторожным, поэтому не стоит удивляться, что больших заказов за пять лет в «вечном городе» Эль Греко не получил и принялся искать место, где бы его талант оценили.

Эль Греко. «Портрет Джулио Кловио», ок. 1570 г., холст, масло, музей Каподимонте, Неаполь

Эль Греко. «Христос изгоняет торгующих из храма», 1570 г., холст, масло, Институт искусств в Миннеаполисе, в правом нижнем углу картины – портреты Тициана, Микеланджело, Джулио Кловио

Выбор пал на Испанию – Филипп II, постоянный заказчик Тициана, обустраивал Мадрид, назначенный новой столицей, и отчаянно нуждался в художниках. Для работы на испанского монарха было приглашено множество итальянских мастеров средней руки и даже несколько «звезд», в частности, Тинторетто и Веронезе (оба от этой чести отказались).

Джулио Кловио и Фульвио Орсини свели художника с нужными людьми – гуманистом Бенито Ариасом Монтана – доверенным лицом короля, священником и математиком Педро Чаконом и Луисом де Кастилья (по официальной версии – братом, а по слухам, внебрачным сыном настоятеля толедского собора), и в 1576 году Эль Греко прибыл в Мадрид.

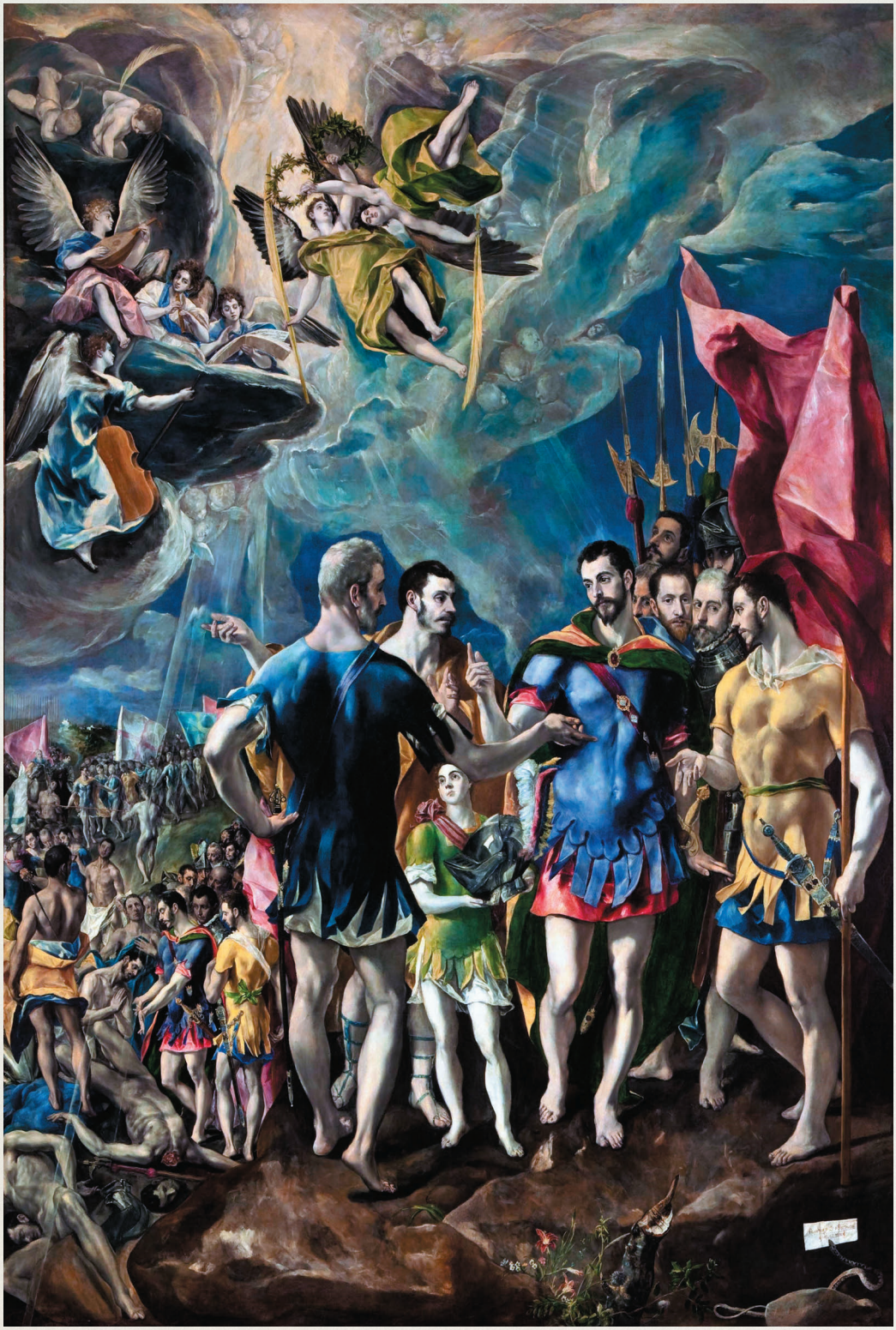
Впрочем, поработать на самого Филиппа Эль Греко почти не довелось – королю понравилось мистическое «Поклонение имени Иисуса», написанное вскоре после прибытия художника в Испанию, но заказанное позже «Мученичество святого Маврикия» показалось «негодным для молитвы», что, возможно, и к лучшему.

***

Местом, где оценят все, что создаст Эль Греко, станет Толедо – город провинциальный, старый, гордый, не имеющий собственной школы живописи.

Первый заказ – цикл картин для украшения церкви Санто-Доминго-эль-Антигуо – ему помог получить знакомый еще по Риму Луис де Кастилья. Среди них – «Вознесение Девы Марии», еще очень близкое к венецианским учителям Эль Греко.

Влияние венецианцев – особенно Тинторетто – заметно и в «Троице», написанной для этого же храма. В ней в целом ощущается множество влияний – белые светоносные блики напоминают об иконах, изломанное тело Христа – о гравюрах Дюрера, лепка форм и почти барочная патетика – о фресках Микеланджело, но все в целом – уже узнаваемый, сложив-

Эль Греко. «Мученичество св. Маврикия», холст, масло, 1580–1582 гг., собрание Эскориала, Мадрид

шийся, стопроцентный Эль Греко – страстный, светоносный и завораживающий.

Эль Греко еще работал над картинами для Санто-Доминго-эль-Антигуо, когда получил заказ на картину для Кафедрального собора Толедо.

«Эсполио» (ограбление) – сцена совлечения с Христа одежд – разом показала толедцам, какого художника они заполучили.

Во-первых, образованного – когда композиция картины вызвала у капитула собора возражения теологического характера, Эль Греко переиграл церковников на их же поле, показав лучшее знание богословской литературы.

Во-вторых, упорного – когда собор решил сильно снизить запрошенную цену, Эль Греко привлек экспертов со стороны и довел дело до суда.

В-третьих, успешного – «Эсполио» была сочтена картиной настолько великолепной, что впоследствии Эль Греко пришлось копировать ее 17 раз.

С заказчиками он будет судиться еще не раз – не столько из-за жадности, сколько из-за гордости – все-таки у него была венецианская выучка, а тамошние художники знали себе цену.

Он навсегда останется в Толедо – и толедцы примут этого чужака в свой мир и привыкнут

Эль Греко. «Эксполио» (совлечение одежд), 1577–1579 гг., холст, масло, Толедский собор, Толедо

Эль Греко. «Рыцарь с рукой на груди», ок. 1580 г., холст, масло, Прадо, Мадрид

восхищаться «своим Греком», его образованностью, его упрямой гордостью, его расточительностью, его сумрачно-яркими алтарями и строгими портретами.

В бывшем еврейском квартале Толедо, в части обветшалого дворца, арендованного у герцога Эскалона, он устроит мастерскую, которая в лучшие годы будет производить бесконечное множество мадонн и святых с узнаваемо вытянутыми телами и бледными лицами – и его ученики подхватят эту странную, характерную лишь для новой толедской школы, манеру.

В Толедо он встретит женщину, от которой нам известно лишь имя, – Хероними де лас Куэвас. В 1578 году она родит ему сына Хорхе Мануэля – и Эль Греко его признает, но на ней отчего-то не женится. Художник не оставил достоверного портрета Херонимы, и мы можем лишь искать ее черты в Деве Марии, Марии Магдалине, св. Веронике…

Для толедской церкви Сан-Томе (св. Фомы) он напишет «Погребение графа Оргаса» – самую знаменитую свою картину.

Эта картина и сейчас там – не перенесенная в музей, великолепно сохранившаяся, соединяющая в себе земной мир, где рядом с черными нарядами дворян холодно мерцают латы, облачающие мертвое тело, и жарко горят златотканые ризы святых Стефана и Августина, и сияющие небеса, где Дева Мария встречает нагую душу никому, кроме толедцев, неведомого благочестивого дворянина Гонсало Руиса.

В толпе, окружающей святых, он напишет своего сына Хорхе Мануэля – бледного мальчика, держащего высокую свечу. На носовом платке, выглядывающем из кармана сына, он поставит подпись: «Доменикос Теотокопулос, критянин сделал».

Предполагается, что на картине есть и сам Эль Греко, пристально и печально смотрящий на зрителей.

Кстати, относительно цены этой картины заказчики – абсолютно удовлетворенные качеством работы – решили привычно поспорить, оценив ее в 900 дукатов вместо обещанных ранее 1200. Независимый оценщик, приглашенный разрешить спор, сообщит клиентам, что картина, несомненно, не стоит 1200 дукатов, потому что стоит 1600.

Эль Греко. «Вид Толедо», 1596–1600 гг., холст, масло, Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Эль Греко. «Погребение графа Оргаса», 1586 г., холст, масло, церковь Сан-Томе, Толедо

С годами необычность его живописи будет нарастать – мазок станет более размашистым, свет – фосфоресцирующим, колорит – серебристым и свинцовым, фигуры – бесплотными и колеблющимися, словно пламя свечи, но заказчики будут прощать ему странную манеру письма, как прощали когда-то старому Тициану. Возможно, глядя на свежие, только что законченные работы «своего Грека», они уже тогда ощущали то, что спустя много столетий разглядят искусствоведы: «Изучая пепельно-серое творение Греко, не выносишь впечатления о чем-то замершем и угасшем, а, напротив, исполняешься тем жутким чувством, которое овладевает при виде чудовищного пожара».

В Толедо художник и умрет – к старости изрядно обедневший из-за привычки к роскошному образу жизни и очередной долгой тяжбы с заказчиками, но все еще почитаемый толедцами и чрезвычайно мало понятный жителям остальной Испании.

Его похоронят с великими почестями в месте, с которого началась его толедская история, – монастыре Санто-Доминго-эль-Антигуо – и очень быстро перестанут ценить. Вплоть до конца XVIII века теоретики искусства будут вспоминать Эль Греко в основном ради критики, называя «старомодным», «нарочитым», «нелепым», «эксцентрич-

Эль Греко. <Мария Магдалина>, 1576–1578 гг., холст, масло, Музей изящных искусств, Бухарест

ным» и, в конце концов, «безумным». Но придет «новое время» – и полузабытый художник сначала приглянется своей таинственностью романтикам, затем своим широким мазком – импрессионистам, затем своей обобщенностью и сочными и холодными красками – Сезанну и фовистам, затем своими гранеными складками – кубистам, затем своей страстностью – экспрессионистам – и вновь окажется чрезвычайно актуальным.

Искусствоведы, к счастью, даже перестанут приписывать ему безумие, зато медики начнут приписывать астигматизм и употребление веществ, расширяющих сознание, – но это уже совсем другая история.